

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

В. Н. Горегляд

**НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О ПОСОЛЬСТВЕ
Н. Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО В ЯПОНИЮ (1859 г.)**

После установления регулярных отношений между Россией и Японией (Симодский трактат 1855 г., дополнительный трактат 1857 г. и открытие российского консульства в Хакодате в 1858 г.) правительства обеих стран продолжали в течение некоторого времени обсуждать неурегулированные вопросы. Один такой вопрос — о русско-японской границе — обсуждался 20 лет, до 1875 г. В течение этого времени русские посольства не один раз прибывали в Японию.

5/17 августа 1859 г. для переговоров о проведении государственной границы по проливу Лаперуза в Японию прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. Однако все его старания не достигли цели (в значительной степени из-за противодействия европейских держав и сложности международной обстановки после Крымской войны), и он должен был возвратиться на родину ни с чем.

Это был один из многих эпизодов в трудной истории нормализации русско-японских отношений, сам по себе известный в деталях и лишенный сенсационных подробностей. Однако он сопровождался событием, встревожившим правительственные круги не только России и Японии, но и других держав. Суть этого события заключалась в следующем.

Эскадра из девяти военных кораблей, доставившая посольство Н. Н. Муравьева-Амурского в Японию, бросила якорь в Эдоском заливе, возле устья р. Синагава. Посольство выехало в Эдо, а эскадра вместе с кораблями других стран и в непосредственной близости к западным дипломатическим представительствам продолжала оставаться на старом месте. Снабжение людей провизией осуществлялось специально назначавшимися группами моряков, регулярно выходившими на берег.

13/25 августа того же года в наряд за провизией были назначены мичман Роман Самойлович Мофет, матрос Иван Соколов (оба с корвета «Гридень») и мещанин Александр Корольков, бывший в услужении командира эскадры, капитана I ранга Попова. Эта группа, сопровождаемая мичманом Авиновым, направилась в Йокогаму. Авинов должен был ожидать возвращения группы в условленном месте. В восьмом часу вечера, когда трое русских моряков, произведя закупки, возвращались в порт, на одной из боковых улочек города на них было совершено неожиданное нападение. Соколов был зарублен насмерть, Мофет смер-

тельно ранен (через 2 часа он скончался), а Корольков (он шел впереди всех), предупрежденный криком Мофета, на которого напали раньше, получил рану в руку, но успел укрыться в ближайшей лавочке. Преступники тут же скрылись, прихватив с собой ящик с серебром, принадлежавший их жертвам.

Вскоре на место происшествия прибыли случайно оказавшиеся поблизости американские моряки и мичман Авинов. Авинов поднял на ноги японские власти, известил через них командование эскадры о нападении и вызвал врача к раненому.

Далее в дело вступили дипломатические представители — британский консул и назначенные для ведения следствия Н. Н. Муравьевым-Амурским флигель-адъютанты — капитаны I ранга Попов и Унковский.

Этот инцидент вызвал в Европе определенную реакцию, обнаружившую две различные точки зрения. Первая отражена в лондонской «Таймс», в номере от 17 ноября 1859 г.¹, вторая — в русском журнале «Морской сборник», опубликовавшем рапорты и донесения участников расследования.

Расхождения были как в характере информации об инциденте, так и в оценке поведения японских властей в связи с ним, а отсюда и в выводах относительно дальнейшей политики западных держав в Японии.

В материалах, опубликованных в «Таймс», в частности, были сгущены краски и без того мрачной картины преступления: «Офицер и матрос были почти изрублены в куски, буфетчик (А. Корольков. — В. Г.), хотя, к сожалению, смертельно ранен, еще жив, успев после первой раны убежать в одну лавку».

Весьма пессимистично расценивала «Таймс» и отношение японских властей к необходимости розыска и наказания преступников: «Но губернатор, — писала газета, — когда пришел к нему, в 4 часа утра, британский консул Вайзе (Vyse), — услышав о случившемся, отозвался обо всем деле с грубым легкомыслием (такowymi, по крайней мере, показались его слова), и потому мало надежды, что будет что-либо предпринято, если граф Муравьев не станет устрашать правительство за последствия».

И наконец, газета определенно настаивала на политике силы в отношении Японии и предостерегала западные державы от укрепления позиций России на Дальнем Востоке: «При нынешнем положении дел в Европе конечно было бы странною случайностью, если б Англия, Франция и Америка были обязаны заступничеству сибирского генерал-губернатора и непредвиденному присутствию могущественной русской эскадры, личную безопасность своих дипломатических агентов в Японии, равно как возможностью поддерживать свое положение».

Материалы, опубликованные в «Морском сборнике», говорят нам совсем о другом отношении японских властей. Британскому консулу, обвинявшему японских губернаторов в бездействии, прямо возражает флигель-адъютант Попов², разделявший основанное на результатах следствия убеждение Н. Н. Муравьева-Амурского, что в убийстве не замешано правительство, народ или какая-нибудь политическая партия³. «Японское правительство, — констатирует «Морской сборник», — напротив, достаточно выказало при этом случае как свое сожаление о

¹ Статья из «Таймс» цит. по: «Морской сборник», 1859, № 12, Смесь, стр. 106—109.

² «Из рапорта флигель-адъютанта Попова», — «Морской сборник», 1860, № 15, Известия, стр. 39.

³ «Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири», — там же, стр. 37—38.

случившемся, так и готовность оказать нам удовлетворение»⁴. В рапорте флигель-адъютанта Унковского от 17 сентября 1859 г. указана даже такая деталь: японское правительство предложило «в назначенный срок казнить на месте преступления в присутствии моем, полицейского чиновника, который был дежурным в Иокогаме в день убийства. На это последнее решение, казавшееся мне несправедливым, я не согласился»⁵.

Дальнейшее поведение Н. Н. Муравьева-Амурского и меры, которые он посчитал нужным принять по результатам следствия, в «Морском сборнике» описаны так: «...граф Муравьев-Амурский не счел нужным противу слабых употребить превосходные силы нашей эскадры, находившейся в его распоряжении, а приняв во внимание деятельное и особенное участие Японских властей при следствии, произведенном флигель-адъютантом Поповым, заботы местных властей о несчастных жертвах преступления, публичное соучастие представителей Японского правительства в торжественной похоронной процессии убиенных Русских, совершенно приличное обстоятельству поведение и поступки народонаселения в Иокогаме, во время торжественных похорон, наконец, посылку на нашу эскадру со стороны правительства особой депутации для принесения извинения о случившемся,— граф ограничился требованием: чтобы губернатор Иокогамы был сменен и Японское правительство приняло бы все зависящие от него меры для предупреждения впредь подобных преступлений и для совершенной безопасности иностранцев, пребывающих в Японии»⁶.

Таким образом, налицо две тенденции в оценке одного события, две линии поведения в одной ситуации. Обе они аргументированы, и у каждой свое понимание отношения японских властей к инциденту. Приведенные цитаты дают возможность заключить, что и то и другое понимание может быть справедливым, поскольку первое основано на реакции губернатора непосредственно после инцидента, а второе — на общей политике японского правительства, определившейся, возможно, некоторое время спустя.

Однако толкование реакции японского губернатора, предложенное британским консулом, имеет слабое звено: оно не документировано. «Грубое легкомыслие» губернатора — плод первого впечатления британского консула, высказанного не категорически.

Было бы интересно иметь документ, зафиксировавший отношение официальных властей Японии к инциденту в первые часы после убийства русских моряков.

Такой документ есть.

В Рукописном отделе Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР хранится написанное японской скорописью письмо (шифр — В-260; 1 лист, 19 × 90; 24 строки; бумага японская, плотная) и его буквальный перевод на голландский язык (шифр — В-261; 1 лист, 63 × 18; 37 строк; бумага та же, что в оригинале; почерк — каллиграфический). Содержание письма таково:

«Русскому лейтенанту Авекову

[Ваше] послание получили, вскрыли и прочли [в нем сообщение о том], что вчера один офицер и два матроса из числа людей, прибывших в этот порт, были [один] ранен, [один] убит на месте⁷ и еще [один] — тяжело ранен⁸.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ «Из рапорта флигель-адъютанта Унковского», — там же, стр. 43.

⁶ «Из донесений генерал-губернатора Восточной Сибири», стр. 38.

⁷ Буквально: «сразу скончался».

⁸ В голландском варианте — «смертельно ранен».

По этому случаю Вы просили отправить письмо, чтобы был вызван врач, который имеется на военном корабле их страны, стоящем на якоре на рейде Синагава, а также — чтобы на шлюпке, которая доставит [на корабль эту] недобрую весть, привезли охрану.

Полностью согласившись [с этим, мы], нижеподписавшиеся, направили⁹ на вышеозначенный корабль вместе с Вашим посыльным правительственного чиновника с нашей стороны, которому велено подробно изложить обстоятельства происшествия и меры, принятые нами для поимки бежавших преступников, а также уведомить о том, что скоро на эту улицу будет прислан офицер с целью заняться всеми вопросами, касающимися того происшествия; о том, что, не считая корабельной стражи, [мы] выслали еще и охрану для мест нахождения [иностранцев], и о том, что в дальнейшем, когда случится надобность посетить [порт] или ходить [по нему], [Вы] должны без стеснения оповещать нас об этом.

Вышеприведенное сообщение изложили уважающие Вас
Мидзуно Тикиго-но-ками
Като Ики-но-ками.

Ансэй 6-й год Барана, 28-й день 7-й луны».

Обозначенная в письме дата в европейском календаре соответствует 14/26 августа 1859 г.¹⁰ Подписано письмо тогдашними губернаторами провинции Канагава, куда входил г. Иокогама. Что касается адреса, то ни фамилии Авеков, ни фамилии Кофф (в голландском варианте значится «A ve Koff») в документах о посольстве Н. Н. Муравьева-Амурского нет. По-видимому, адресатом, под искаженной фамилией Авеков, был русский офицер мичман Авинов, находившийся 14 августа на берегу, первым затребовавший к раненому врача и первым через японских властей известивший командование эскадры о происшествии.

Таким образом, приведенное письмо является документальным свидетельством первой реакции японских властей на убийство в Иокогаме.

Из письма следует, что реакция эта была немедленной и предусматривала меры по оказанию помощи раненому, по розыску преступников и охране безопасности находившихся в Японии иностранцев. И наконец, что существенно, это была реакция на письмо Авинова, а не на визит консула Вайзе.

Следовательно, информация газеты «Таймс» не может быть названа объективной, а меры, предложенные западными дипломатами, — оправданными.

Приведенный документ лишней раз свидетельствует об отсутствии враждебности у японских властей по отношению к русским морякам и подтверждает, что традиционно гуманное, добрососедское отношение русских дипломатов к Японии в то время не было случайным, а диктовалось обоюдными интересами обеих стран, вне зависимости от входящих обстоятельств.

⁹ В голландском варианте (который, собственно, и был рассчитан на читателя-европейца) добавлено: «опmiddelyк» — «немедленно».

¹⁰ См. «Japanese Chronological Tables by William Bramsen», Tokio, 1880, p. 82.